

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КРИЗИС 1938 г. НА СТРАНИЦАХ ПОЛЬСКОЙ ПРЕССЫ

Александр Киселёв

Периодическая печать зачастую является надежным показателем господствующих в общественном мнении настроений. Польская межвоенная пресса не является исключением из этого правила и позволяет составить представление об отношении польской общественности к территориальным претензиям Польши к Чехословакии, присоединению Тешинской Силезии в дни накануне и после заключения Мюнхенских соглашений. Поскольку достаточно затруднительно обобщить все позиции, высказанные в этот период на страницах польской прессы, то нами был выбран ряд изданий, относившихся к разряду ведущих газет того или иного идейно-политического направления.

Среди газет консервативной ориентации ярким явлением были публикации главного редактора виленского «Слова» Станислава Мацкевича. Взгляды самых влиятельных оппонентов режима санации — сторонников идеолога польских национал-демократов Романа Дмовского — невозможно представить без варшавского еженедельника «Национальной мысли» (*Myśl Narodowa*). К ним отчасти примыкала, но сохраняла свою идейную автономию газета «Голос народа» (*Głos narodu*), пользовавшаяся поддержкой польского епископата католической церкви. Одним из влиятельных выразителей левого спектра польской общественно-политической мысли было главное печатное издание Польской партии социалистов (ППС) газета «Рабочий» (*Robotnik*).

Следует сразу отметить, что практически все отмеченные издания, несмотря на большую или меньшую степень своей оппозиционности и критической настроенности к правящим властям, поддержали тер-

риториальные претензии к Чехословакии и ввод польских войск в Тешинскую Силезию. В частности, на страницах газеты «Слово» (*Słowo*) 2 октября 1938 г. главный редактор призвал читателей поддержать действия правительства и проявить качества гражданина и патриота. Текущая внешняя политика польского правительства расценивалась как способная «предопределить судьбы Польши на годы, да нет, на целое столетие»¹.

В редакционной статье национал-демократического еженедельника «Национальная мысль» от 9 октября 1938 г. об инкорпорации Заолзья писалось как об восстановлении исторической справедливости, попорченной в июле 1920 г. По мнению автора, именно из-за чехословацкой экспансии в Тешинской Силезии на десятилетия оказались испорчены польско-чехословацкие отношения. Чехословацкой политической элите помешала «мещанско-крестьянская скаредность, зависть к шляхетской Польше», которые не дали «ожидаемых процентов»². В итоге межвоенная Чехословакия была вынуждена искать политическую опору для своей независимости, обращаясь за поддержкой к Франции, Великобритании, странам Малой Антанты и даже к СССР. Эта ошибочная политика привела к тому, что Чехословакия вынуждена теперь расплачиваться территориями за свои «комплексы» и стоит накануне очередного раздела. Журналисты главного печатного органа национал-демократов советовали чехословацким политикам пересмотреть все свои внешнеполитические принципы, поскольку для Чехословакии после Мюнхена выбор заключался между «согласием войти в сферу польской или немецкой системы Средней Европы. *Tertium non datur*»³.

Не менее показательной оказалась позиция польских социалистов. На страницах центрального органа печати Польской партии социалистов приветствовался факт присоединения спорных территорий к Польше без открытого вооруженного конфликта. Авторы не преминули напомнить, что первенство в деле борьбы за Тешинскую Силезию принадлежит именно Польской партии социалистов еще в 1918–1920 гг. Перед Чехословакией появилась внешнеполитическая альтернатива. Она, по мнению автора статьи «Польша и Чехословакия», заключалась в выборе между установлением «прочного сотрудничества с Польшей на принципах «равный с равным» или «трагической ролью вассала Третьего рейха»»⁴. Однако исход этого выбора зависел не только от Чехословакии, но и в значительной мере от Польши. Редакция клерикального ежедневника «Голоса народа» 2 октября разместила на первой странице обращение от своего имени, в котором назвала возвращение Тешинской Силезии «исправлением исторической обиды нашего народа» и приветствовала «братьев поляков из-за Ользы»⁵.

Однако единство в вопросе о возвращении Тешинской Силезии в состав Польши отступало на второй план при обсуждении международных перспектив Польши накануне и после Мюнхенских соглашений. Одним из самых заметных явлений в польской журналистике, посвященной этой проблеме, стала публицистика главного редактора «Слова» Станислава Мацкевича. Он являлся сторонником нормализации польско-немецких отношений и апологетом идеи польско-венгерского военного и политического союза. Еще до Мюнхенских соглашений журналист выражал уверенность в том, что Судетский кризис разрешится на германских условиях и предвидел целый ряд политических последствий и возможностей. В статье «Верная роль маршала Рыдза-Смиглы» от 10 сентября 1938 г. он предсказывал приобретение Польшей Тешинской Силезии⁶. Однако, по мнению журналиста, это событие несопоставимо с результатами немецкой экспансии. По его словам, грядущее присоединение Судет усилит Германию по сравнению с Польшей в 33 раза. В этих условиях наиболее перспективной целью польской внешней политики Мацкевич считал создание общей польско-венгерской границы. По мысли публициста, Венгрия и Польша являлись естественными союзниками. Заключение внешнеполитического союза обуславливалось неизбежностью втягивания Польши в мировой политический кризис. Мацкевич интуитивно почувствовал, что Мюнхен является предвестником еще более масштабных политических потрясений. Так, он писал, что «если демилитаризация Поренья стала экспериментом перед аншлюсом, аншлюс — экспериментом перед ликвидацией Чехословакии, то чешский кризис является испытанием плана более значительного масштаба»⁷. Интересно, что редактор «Слова» допускал, что после Чехословакии может последовать черед Польши. Однако публицист был уверен в том, что такой вероятности еще можно избежать.

В этих целях следовало нормализовать польско-немецкие отношения в Силезии и Данциге (Гданьске). Однако, отчасти противореча самому себе, журналист заявлял о том, что такая возможность оказалась упущена по вине министра иностранных дел Юзефа Бека, который исповедовал принцип балансирования Польши между СССР и Германией. В результате «мы не сумели ликвидировать польско-немецких затруднений, но также у нас не появилась доктрина общих объектов польской и немецкой политики»⁸. В итоге Германия существенно усилила свои позиции, но уже не нуждалась в польском партнерстве.

В сложившейся ситуации выход для Польши виделся в заключении военного союза с Венгрией. Обоснованию идеи создания польско-венгерской конфедерации ведущий обозреватель «Слова» посвятил целый

ряд передовиц газеты в сентябре — октябре 1938 г⁹. Более того, он считал, что присоединение спорных территорий Тешинской Силезии является второразрядной задачей по сравнению с установлением тесных отношений с Венгрией. Мацкевич настаивал на том, что польско-венгерская интеграция позволила бы выстоять обоим государствам Центрально-Восточной Европы в борьбе между Англией, Францией и Германией, не превратившись в их политических вассалов и разменную карту в игре великих держав. Мацкевич считал, что пример Чехословакии показал, что слепая ставка на французскую помощь и отказ от курса на реинтеграцию с Австрией с целью реставрации династии Габсбургов закончились политической катастрофой для Чехословакии. Кроме того, в вину Чехословакии ставились попытки установления сотрудничества с СССР, который рассматривался политическим обозревателем как главный противник Польши. В своих проектах Мацкевич легко допускал и даже приветствовал присоединение к Венгрии практически всей Подкарпатской Руси. Если спасение польского суверенитета редактор «Слова» видел в польско-венгерском союзе, который позволил бы на равных говорить с нацистской Германией и участвовать в борьбе с «мировым большевизмом», то на страницах других изданий высказывались иные соображения.

Идея нового территориального раздела Чехословакии во имя общей польско-венгерской границы встретила критику со стороны «Голоса народа». В редакционной статье от 29 сентября 1938 г. утверждалось, что подобная мера даст лишь новый импульс к развитию национальных сепаратистских движений на окраинах Польши¹⁰. Оптимальным вариантом виделось сохранение Чехословакии как общего государства трех национальностей чехо-словацкой-русинской. Эта мысль неоднократно подчеркивалась публицистами издания. В передовой статье заместителя председателя Союза католических писателей Адама Ромера «Перед трудной дилеммой» писалось о том, что в сложившихся вокруг Чехословакии обстоятельствах является важным обеспечение чехословацкого суверенитета против «дальнейшего продвижения немецкого колосса на восток и юг»¹¹. Причем в этом заинтересована не только Польша, но и Венгрия. Основной рецепт для пост-мюнхенской политики Польши, по мнению авторов «Голоса народа», заключался в необходимости создания вокруг Польши «сильного центрально-европейского блока»¹² в составе государств Балтии, Чехословакии, Венгрии и Румынии с прицелом на Балканы. Будущим государствам-членам блока следовало добиваться заключения со своими соседями с запада и востока пактов о ненападении и сотрудничать с Францией. Всякая поддержка германского исторического «натиска на Восток» стала бы для Польши, расположившейся

между Германией и Россией, политикой «подпиливания ветки, на которой мы сидим». Ромер считал, что государствам Центральной Европы, зажатым между «красным и националистическим империалистическим тоталитаризмом» естественно опираться на «западные демократии», которые в свою очередь нуждались ради безопасности в «перестраховке на Востоке»¹³.

В отличие от клерикального «Голоса народа» рупор польской национал-демократии «Национальная мысль» с гораздо большим энтузиазмом встретил проект по созданию польско-венгерской границы. В частности, в статье «Венгрия и Польша» утверждалось, что создание общей границы следует считать «новым основанием нашей политики»¹⁴. Вместе с тем для обоснования этой внешнеполитической идеи пускалась в ход несколько иная аргументация, чем на страницах виленского «Слова». Ситуацию после Мюнхена следовало использовать для выстраивания польской внешнеполитической системы в Центральной Европе. Признавалось, что нацистская Германия приложит все усилия для недопущения польско-венгерского сближения. Так, одним из надежных свидетельств противодействия Германии признавалось сохранение узкого пояса Подкарпатской Руси в составе Чехословакии после Первого Венского арбитража. Публицисты национал-демократы считали, что это обусловлено стремлением Германии сохранить базу для развития украинского сепаратизма, направленного против Советского Союза в целях создания вассального от Германии украинского государства. Однако одновременно поддержка украинского национализма создавала трудности Польше и, отчасти Венгрии. Обозреватель еженедельника надеялся, что украинский вопрос станет «еще одним узлом, соединяющим Венгрию с Польшей»¹⁵.

Молодой публицист Карл Стефан Фрыч, развивая идеи о будущем устройстве Центральной Европы, констатировал, что после Мюнхена Польша оказалась в тяжелейшем положении, будучи «осаждена Германией со всех сторон»¹⁶. Единственным вариантом спасения страны журналист считал борьбу за влияние в Центральной Европе. При этом публицист неразделял распространенного в польском обществе убеждения в том, что «чувство немецкой угрозы уже объединило всю Центральную Европу, что все народы сегодня только и смотрят на Польшу и что вообще мы являемся державой, сильной пятой опирающейся на междуморье Балтика — Адриатика — Черное море»¹⁷. В своей внешней политике республике предстояло вдохновляться идеалами средневековой Польши под правлением династии Ягеллонов. Главной целью польской дипломатии должен был стать союз Польши с Венгрией и Румынией, выстроенный на основе равноправия всех его участников.

Тема ближайшего политического будущего Польши и Европы дискутировалась и на страницах «Рабочего». В газете целые развороты отводились под международную хронику и сообщения корреспондентов о продвижении немецких войск в Судетах, действиях Чехословакии и вводе польских войск в пределы Тешинской Силезии. Однако первые серьезные аналитические материалы появились только спустя неделю после Мюнхена и официального согласия Чехословакии на польский ультиматум. В статье «Свет и тени» один из лидеров ППС Адам Прухник заявил, что газета «не закрывает якобы глаза» на происходящие события. Признавая присоединение Тешинской Силезии «актом безоговорочной исторической справедливости»¹⁸, ведущий публицист газеты сосредоточился на негативных последствиях Мюнхенских соглашений. По его словам, был создан опасный прецедент, когда несколько великих держав определяют между собой судьбу других государств, ставя их перед фактом своих решений.

Однако главной опасностью стало то, что Польша оказалась зажата в геополитических тисках между Германией и советской Россией. Если раньше на западной границе помимо Германии располагались сильная Чехословакия и Австрия, то теперь, после Аншлюса и Судетского кризиса, Польше придется граничить с резко усилившейся Германией. Такое соседство, допуская возможность гипотетической договоренности нацистской Германии с СССР, являлось именно той «угрозой», о которой сейчас «должны думать»¹⁹. Любопытно, что восточная граница расценивалась публицистом как менее опасная по сравнению с западной, поскольку поляков отделяет «от этнографической России» вал «народов балтийских, белорусы, украинцы, румыны»²⁰. Признавая, что эта преграда имеет пока преимущественно «этнографический» характер, обозреватель газеты предположил, что, если бы ее «удалось заменить на политический вал, на цепь государств, связанных с нами дружбой, ситуация на востоке в будущем перестала бы быть угрожающей»²¹. С учетом крайне опасного усиления нацистской Германии в основную повестку дня польской дипломатии должна была попасть задача по сохранению суверенитета Чехословакии. В противном случае Чехословакия будет разделена, а ее остатки станут вассалами Германии, что, по мнению публициста, уже не раз случалось в чешской истории. В публицистике газеты резко негативно оценивались сами Мюнхенские соглашения, которые в одной из статей получили наименование «фашистского Версаля», который полностью разрушил всю прежнюю политическую систему в Европе и сделал почти невозможным установление «союза Запада с Центральной и Восточной Европой»²². Развернутой внешнеполитической программы публицисты не предлагали, но при очевидно анти-

германской тональности заметок и статей в газете можно заметить приязненное отношение к идее польско-румынско-венгерского союза. По крайней мере, в статье «Политический мистицизм» Павел Хулька-Ласковский считал, что Германия «неприязненно смотрит на возможность блока»²³ этих государств Центральной Европы. Уже спустя месяц после Мюнхена неоднократно высказывалась идея о стремлении нацистской Германии реализовать подконтрольный ей политический проект «Средней Европы», который бы предусматривал создание в перспективе украинского государства, недопущение польско-венгерского союза в интересах создания единой границы, превращение Румынии и остальных стран Центральной и Юго-Восточной Европы в рынок сбыта и ресурсов для германской экономики²⁴.

Таким образом, польские территориальные претензии к Чехословакии не вызвали протестов у ведущих польских газет, невзирая на взаимные идеологические разногласия и критическое отношение к властям. Присоединение Тешинской Силезии безоговорочно рассматривалось как восстановление исторической справедливости. Не было также разногласий на предмет понимания того, что Мюнхен стал очевидным доказательством распада прежней системы международных отношений. Однако в прессе по-разному трактовались политические последствия Мюнхена.

В случае консервативного «Слова» главной целью польской внешней политики в условиях чехословацкого кризиса считалось не столько территориальное расширение, сколько необходимость создания польско-венгерской границы за счет присоединения к Венгрии Подкарпатской Руси. Общая граница стала бы одним из первых шагов, направленных на быстрое создание польско-венгерской конфедерации, способной играть на равных с великими европейскими державами, особенно с резко усилившейся Германией. Сторонники поиска компромисса с Германией в редакции консервативного «Слова» отдавали себе отчет в том, что сама по себе Польша утратила шанс на равноправные двусторонние отношения. При этом резко критиковавший Чехословакию за ее просоветскую ориентацию издатель «Слова» не желал полного уничтожения чехословацкого государства.

Идея польско-венгерского объединения пользовалась поддержкой и в кругах польских национал-демократов. Однако ими полностью отменалась идея политического компромисса с нацистской Германией. В прессе национально-демократического лагеря с тревогой отмечали стремительный рост политического влияния Третьего рейха в Центрально-Восточной Европе. Для противодействия немецкой гегемонии теоретики национал-демократии выдвигали проект польско-венгерско-

румьинского блока, который стал бы новой редакцией правления династии Ягеллонов в странах Центральной Европы во второй половине XV — первой четверти XVI вв.

Аффилированная с римско-католической церковью печать акцентировала необходимость сохранения Чехословакии в целях совместного противодействия усилению немецкого влияния в регионе. Раздробление Чехословакии по национальному признаку за исключением удовлетворения претензий немецких, польских и венгерских меньшинств не приветствовалась близкой к церковным кругам интеллигенцией.

В первые недели после Мюнхена левая пресса допускала возможность выстраивания между Польшей и Чехословакией прочного политического союза, без которого в ближайшем будущем Чехословакию ожидает поглощение со стороны нацистской Германии. По всей видимости, не критиковалась и идея центральноевропейской интеграции на антигерманской основе.

Наблюдение за политикой Франции и Великобритании относительно Чехословакии в Мюнхене сделало популярной идею о противопоставлении германскому влиянию на востоке путем объединения государств Центрально-Восточной Европы. Последнее не отменяло надежд на союзнические отношения с Францией. Однако почти никто на страницах рассмотренных выше изданий не ставил вопроса об интересах и готовности иных стран Центрально-Восточной Европы к интеграции с Польшей.

Массовое одобрение в Польше инкорпорации Тешинской Силезии, подогреваемое официальной печатью, принесло на некоторое время широкую популярность правительству. Это позволило выиграть досрочные парламентские выборы в ноябре 1938 г. При этом национал-демократический лагерь, польские социалисты бойкотировали выборы в сейм, что ослабляло их возможности по влиянию на общественное мнение и доведению своей точки зрения до лидеров режима санации. На жесткую критику внешней и оборонной политики главным редактором виленского «Слова» правительство ответило его арестом 22 марта 1939 г. Мацкевич был наказан краткосрочным заключением на 17 дней в лагерь «изоляции» в Березе. Однако этим жестом уже нельзя было исправить ни ликвидации Чехословакии, ни появления подконтрольной Берлину Словакии, ни прогерманской ориентации Венгрии. Можно сказать, что дискотируемые на страницах печати идеи не смогли оказать существенного влияния на внешнеполитическую линию государства. Только нежелание превращаться в сателлита нацистской Германии и некоторые иллюзии на предмет значения страны в системе международных отношений объединяли правительственный лагерь и многочисленных оппонентов режима.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Cat Śląsk zaolzański, czy wspólna granica z Węgrami // Słowo. 1938. № 270 (5189). 2 października. S. 1.
- ² Czesi i Polska // Myśl Narodowa. 1938. № 44. 9 października. S. 670.
- ³ Ibidem.
- ⁴ Niedziałkowski M. Polska i Czechosłowacja // Robotnik. 1938. № 278. 2 października. S. 1.
- ⁵ Uwaga redakcji Głosu narodu // Głos narodu. 1938. № 270. 2 października. S. 1.
- ⁶ Cat Właściwa rola marsz. Smigłego-Rydza // Słowo. 1938. № 249 (5173). 10 września. S. 1.
- ⁷ Cat Czechosłowacja, jako kłamra francusko-sowieckiego sojuszu // Słowo. 1938. № 265 (5189). S. 1.
- ⁸ Cat Właściwa rola marsz. Smigłego-Rydza // Słowo. 1938. № 249 (5173). 10 września. S. 1.
- ⁹ Cat Notatki polemiczne // Słowo. 1938. № 260 (5184). 22 września. S. 1; Cat Wspólna granica z Węgrami // Słowo. 1938. № 262 (5186). 23 września. S. 1; Cat Śląsk zaolzański, czy wspólna granica z Węgrami // Słowo. 1938. № 270 (5189). 2 października. S. 1.
- ¹⁰ J. P. «Wspólna granica» Polski z Węgrami // Głos narodu. 1938. № 267. 29 września. S. 1.
- ¹¹ Romer A. Wobec trudnego dylematu // Głos narodu. 1938. № 260. 22 września. S. 2.
- ¹² J. P. Co się zmieniło w Europie? // Głos narodu. 1938. № 272. 4 października. S. 1.
- ¹³ Romer A. O nowy układ na gruzach traktatów // Głos narodu. — 1938. — № 276. 8 października. — S. 1.
- ¹⁴ Frycz K. S. Węgry a Polska // Myśl Narodowa. 1938. № 48. 6 listopada. S. 734.
- ¹⁵ J. Ba. W obliczu dziejowych zapasów // Myśl Narodowa. 1938. № 49. 13 listopada. S. 753.
- ¹⁶ Frycz K. S. Na widowni // Myśl Narodowa. 1938. № 51. 27 listopada. S. 789.
- ¹⁷ Ibidem.
- ¹⁸ Próchnik A. Blaski i cieni // Robotnik. 1938. № 287. 11 października. S. 4.
- ¹⁹ Ibidem.
- ²⁰ Ibidem.
- ²¹ Ibidem.
- ²² J. M. B. Rozejrzmy się w chaosie europejskim! // Robotnik. 1938. № 298. 20 października. S. 4.
- ²³ Hulka-Laskowski P. Polityczny mistycyzm // Robotnik. 1938. № 308. 29 października. S. 4.
- ²⁴ Lessel R. Problem Europy Środkowej // Robotnik. 1938. № 312. 2 listopada. S. 3.